

Стоило ему вмешаться, как всё улетучилось — и пьянящее смущение, и нежная полутьма, окутывавшая нас секундой ранее. Хотя, признаться, вся эта романтика могла оказаться лишь плодом моего воображения: взор Цзи Минчэня оставался ясным и чистым, без малейшего намёка на двусмысленность.

В душе заскреблась тихая досада, смешанная с лёгким сожалением — тот заветный вопрос так и остался произнесённым. Ну да ничего, время ещё будет. На горе Духов уж точно представится случай.

Минчэнь поднялся и вышел в покои для гостей, напоследок едва ощутимо сжав моё плечо. Это мимолётное, почти тайное проявление ласки заставило сердце встрепенуться, а щёки — вспыхнуть густым румянцем.

— Зачем явился? — буркнул я, метнув недовольный взгляд на Цю Гуаньни.

— Слышал, Ваше Высочество недомогает, вот и решил засвидетельствовать своё почтение, — невозмутимо отозвался тот.

Я едва удержался, чтобы не закатить глаза. Болел я добрых полмесяца, и что-то его почтения видать не было. Стоило же мне окончательно поправиться, как он тут как тут, с распахнутыми объятиями.

— Говори прямо, с чем пришёл.

Он хитро ухмыльнулся:

— Гляжу, чувства между Праздным князем и его супругом крепнут день от дня.

При этих словах нерасположение в моей груди мгновенно рассеялось, уступив место искренней признательности. С тех пор как отец-император дозволил мне взять в мужья моего небожителя, я всё порывался отблагодарить Цю Гуаньни. Да только болезнь выбила из колеи, вот и пришлось отложить.

— Спасибо тебе, — проговорил я от чистого сердца.

— Делить заботы с Вашим Высочеством — мой прямой долг, — замялся тот на мгновение, но тут же добавил: — Одно лишь...

— Пожалование удвою, — с ходу перебил я.

Его лицо тут же просияло широчайшей улыбкой:

— Желаю Вашему Высочеству и вашему супругу бесконечной любви, согласия да лада до самых седин! Чтобы рука об руку, в полном счастье и полноте дней!

Хоть я и понимал, что это не более чем ловкая лесть, всё равно не удержался от улыбки. Советник уже вознамерился откланяться, но я окликнул его.

Поразмыслив немного, я произнес:

— Весной отец-император повелел мне присутствовать на дворцовых советах и вникать в государственные дела. Станешь моим советником. Как раз есть одна задача, над которой тебе стоит поломать голову.

И я без тайн изложил ему всю историю со столкновением между мной и наследным принцем после прибытия посольства Северного Инь. Рассказал и про слова отца-императора, и про предупреждения Сюй Цинцзэ. Напоследок спросил, как мне лучше поступить и с каким подарком явиться к старшему брату, дабы загладить вину.

Цю Гуаньи мгновенно подтянулся и с особым значением спросил:

— А каков из себя Его Высочество наследный принц?

— Брат Чу Цзюнь мягкосердечен и великодушен, — пожал я плечами. — Ко мне всегда относился с теплотой, да и матушку-императрицу искренне почитает. Она к нему, правда, холодна, но он неизменно соблюдает сыновнюю почтительность: регулярно приносит изъявления уважения и ни разу не показал ни капли обиды.

— Кабы он не был великим праведником да святым, — качнул головой Цю Гуаньи, — я назвал бы его двуличным гордецом, достигшим вершины в искусстве скрывать свои помыслы. У всякого человека есть предел терпения, а уж у наследного принца — и подавно. Если, по словам Вашего Высочества, императрица с ним холодна, а он упрямо выказывает нижайшую покорность, стало быть, глубина его терпения поистине бездонна. Что же до распоряжений насчёт посольства, — продолжал советник, — тут проглядывает совсем иное: он жаждет скорых успехов, стремится любой ценой выделиться и укрепить своё положение при дворе.

В моей памяти всплыло улыбающееся, исполненное доброты лицо Чу Цзюня.

— В этом нет никакого смысла, — в смятении пробормотал я.

— Я с принцем лично не знаком и сужу лишь по вашим рассказам, так что могу и ошибаться, — мягко остудил мой пыл Цю Гуаньи. — А окончательный вывод Вашему Высочеству придётся делать самому.

Сам я делать выводы не умел — от одной мысли об этих премудростях начинала раскалываться

голова.

Я потёр виски:

— Ладно. Так с чем мне завтра идти к нему с извинениями?

— Ни с чем.

Я в недоумении уставился на него.

— Кабы вы желали наладить отношения с братом, следовало бы переступить его порог с пустыми руками, — в глазах Цю Гуаньи блеснул пронизательный огонек. Он едва заметно улыбнулся: — Чего может не хватать наследному принцу? Разве нуждается он в чьих-либо подношениях?

Я не совсем уловил скрытый смысл. Да и душевные терзания доканали меня: после недавних слёз накатила усталость, и единственное, чего мне сейчас хотелось, — это чтобы Цзи Минчэнь обнял меня и уложил спать.

Потому я просто отпустил Цю Гуаньи.

\*\*\*

На следующее утро я повелел слугам достать из сокровищницы изящную шкатулку из чёрного дерева. Внутри покоился мой дар наследному принцу — тушечница, выточенная из цельного куска темного камня, гладкого и маслянисто-блестящего.

Складывали легенду, будто много лет назад один умелец откопал диковинный минерал: снаружи угольно-чёрный, а внутри — прозрачный, точно чистейший нефрит, так что на солнце просвечивал каждый внутренний изъём. Но главное — каменная глыба походила формой на извивающегося дракона. Находку сочли добрым знамением и преподнесли прежнему правителю, а тот в великой радости повелел вытесать из неё тушечницу.

Правда ли то была или вымысел — бог весть, но я помнил, как в детстве засмотрелся на эту диковину, и отец-император тут же пожаловал её мне.

Читать и писать я толком не умел, так что редкая вещь просто пылилась без дела. А ведь в своё время старший брат тоже заглядывался на этот драконий камень. Подарить его Чу Цзюню казалось разумным — всяко лучше, чем гноить драгоценность в сундуках.

С такими мыслями я и решил взять тушечницу с собой, пренебрегши советом Цю Гуаньи. Явиться с пустыми руками казалось мне дурным тоном. К тому же братья издавна

обменивались подарками: в прошлый раз Чу Цзюнь преподнес мне великолепный лук, а я до сих пор за него не отблагодарил.

Однако час спустя я горько пожалел, что не послушал советника.

В Восточном дворце Чу Цзюнь медленно поглаживал тушечницу. На губах его застыла улыбка, но в глазах не было и капли тепла.

— Благодарю тебя, третий брат, — произнес он.

Я отчетливо уловил, как в его взгляде на мгновение вспыхнула и угасла мрачная, тяжелая тень.

И тут до меня дошел смысл слов Цю Гуаньи.

Он — наследный принц. У него есть всё, о чём можно помыслить, и дары ему не нужны. Тем более драгоценность, которую отец когда-то предпочел отдать мне, а не ему! Мой «подарок» выглядел не извинением, а изощрённой издевкой.

На сей раз я и впрямь выставлен был последним глупцом.

— Оставайся на обед, — предложил Чу Цзюнь.

Приглашение прозвучало сухо, без прежней искренности.

Он больше не относился ко мне с той братской теплотой, что прежде.

Грудь сдавила тяжелая безысходность. Надежды матушки, напутствия отца, обида старшего брата — все эти нити сплелись в душный кокон, тяготивший меня, точно пудовый камень.

Ну почему всё так сложно?

Я ведь просто хочу каждый день засыпать в объятиях моего небожителя. Зачем меня заставляют решать задачи, над которыми должны ломать голову мудрецы?

\*\*\*

Впрочем, тоска развеялась довольно быстро: спустя пару дней мы с Цзи Минчэнем отправились в путь — на гору Духов.

И в моем сердце снова поселилась чистая радость.

За окнами экипажа завывала студеная метель, но внутри царил ласковый весенний уют.

В жаровне без дыма и копоти тлели серебряные угли, разнося едва уловимое тепло. Сиденья были устланы пушистыми лисьими мехами — сядешь, и кажется, будто тебя укутало мягким облаком.

Притворившись, будто меня укачивает, я с чистой совестью прилёг, устроив голову на коленях Цзи Минчэня.

Теперь, стоит только открыть глаза, и весь мой мир заслоняет он один.

От его ослепительного лика у меня кружилась голова. Я поспешно закрыл лицо рукавом, и лишь когда бешеный стук сердца немного улегся, щелочкой приоткрыл глаза, чтобы выглянуть снова. Но безупречные черты опять сразили меня наповал, и я вновь спрятался за шелком.

После нескольких таких заходов Минчэнь наконец заметил мое странное поведение. Наклонившись, он тихо промолвил:

— Если мутит, сосни немного.

«Да с таким-то лицом разве уснёшь!»

— Небожитель мой... — смущенно прошептал я, пылая щеками, и потянул его за рукав. — Небожитель...

С этого ракурса его губы казались еще заманчивее — идеальный изгиб, чёткий рисунок... Вот только почему они такие бледные? Да и в лице его проглядывала болезненная немощь.

Прежде он каждый день упражнялся с мечом, а последние двое суток даже не прикасался к оружию.

Я мигом вспрыгнул и сел рядом:

— Я что, тяжело прижал тебя? Это всё яд?..

Лекари предупреждали: если не вывести из тела порошок, расслабляющий мышцы, он начнет въедаться в жилы, причиняя невыносимую муку.

Сжавшись, я принялся бережно растирать его бёдра — прямо там, где только что лежала

моя голова. По очереди ощупал его руки, поясницу, плечи, не скрывая тревоги:

— Что же ты молчал! И позволял мне лежать на тебе! Здесь болит? А тут... чувствуешь что-нибудь? Здесь тошнотно режет?

Цзи Минчэнь сдавленно хмыкнул и перехватил мои суевливые ладони:

— Да сколько в тебе весу-то... Не глупи, всё в порядке.

— Вранье, тебе же больно!

Невзирая на его странное выражение лица, я вырвал руки и с удвоенным усердием продолжил массировать его ноги. Раз я лежал на бёдрах, там, верно, не только зануло, но и затекло. Я старался нажимать помягче, чтобы разогнать кровь.

— Перестань... — выдохнул он.

Он сжал колени, и вид у него стал совсем уж нетипичным: снова отодвинул мои руки, а на бледных щеках неожиданно проступил лёгкий румянец.

Я долго и озадаченно разглядывал его, а потом приложил ладонь к его лбу:

— Жару нет... Небожитель, отчего же ты так вспыхнул?

— Да правда же, ничего страшного, — повторил он.

Чем сильнее он отнекивался, тем больше подозрений во мне росло. Но он упорствовал и более не давал к себе прикоснуться.

Я совсем пал духом. Он ведь сам велел делиться с ним всем на свете, а сам не говорит, где болит, и даже не разрешает облегчить ему боль!

Неужто он считает, что я гоюсь лишь на то, чтобы греться под его опекой, а сам позаботиться о нём не способен? Но ведь когда он лежал без чувств, я ухаживал за ним не жалея сил!

Видно, у меня на лице была написана такая беспросветная печаль, что Цзи Минчэнь помедлил, а затем протянул руку и слегка похлопал меня по тыльной стороне ладони.

Лицо его оставалось смущённым, а в голосе проскользнула необычная, виноватая заминка:

— Позже... я научу тебя, хорошо?

«Чему научит?..»

Но его голос звучал так ласково, так нежно — точь-в-точь как любовный шёпот на ухо! Мои уши мгновенно вспыхнули пламенем, разум затуманился, и я окончательно потерял способность соображать. Потребуй он сейчас достать с неба луну — я бы, пожалуй, без раздумий бросился за ней.

Приставать с расспросами я не стал.

Достав плотное покрывало, я бережно укрыл его ноги. Цзи Минчэнь облегчённо вздохнул, с тихой благодарностью натянул ткань чуть выше и закрыл глаза.

После этого в карете воцарилась странная, почти натянутая тишина.

Он то и дело задумывался о чём-то своём, кидая на меня сложные, нечитаемые взгляды. Под этими взорами я то краснел до корней волос, то мучился догадками.

Перед отъездом я всё рассчитал: дорога дальняя, тряска неизбежна, так что случайно задеть друг друга — дело житейское. Мечтал притвориться спящим и крадучись поцеловать его. А если застучает — свалить всё на нерадивого кучера, дескать, на ухабе подбросило.

Но видя его рассеянность, я решил отложить свой дерзкий замысел.

Списав его странности на приступ боли в жилах от яда, я велел кучеру гнать лошадей во весь опор, без отдыха и остановок, чтобы скорее добраться до горы Духов и избавить моего небожителя от мук.

Спустя двое суток экипаж остановился у подножия живописного кряжа.

Стояла ранняя зима, но склоны до самой середины пестрели густой зеленью, тонувшей в предрассветном тумане. Лишь вершина искрилась вечными снегами, словно седая шапка на голове древнего старца.

В усадьбе у подножия нас, похоже, ждали заранее: люди высыпали навстречу ещё издали. Это были беглецы, спасшиеся в голодные годы, которых управляющий моего поместья нанял смотреть за землями.

Крепкие парни с искренним воодушевлением выпрягали лошадей, улыбчивые деревенские женщины протянули мне кувшин с парным овечьим молоком, а ребяташки вежливо присели в поклоне.

Я крепко сжал руку Цзи Минчэня и улыбнулся ему. На душе стало тепло-тепло от этой простой, искренней заботы.

Мы наконец прибыли на гору Духов.

<http://bllate.org/book/20619/2132490>